

В. В. АНДРЕЕВ

**Рассказ великого князя Павла Петровича
о видении ему Петра I**

<Фрагмент>

В 1782 г. Павел Петрович вместе с молодой супругой своей Марией Феодоровной путешествовал за границей. Не мало подробностей об этой поездке находим мы в Записках баронессы Оберкирх*. <...>

10 июля 1782 г. в Брюсселе Павел Петрович, путешествовавший под именем графа Du Nord¹, ужинал в обществе. Великая княгиня, утомившись путешествием и театром, который путешественники тотчас посетили по приезде в Брюссель, не была за столом. Ужин ли, жаркий ли летний вечер дал особенное направление разговору, только беседа скоро обратилась к чудесному, к явлению призраков и т. д. Каждый рассказал что-нибудь чудесное из собственного опыта; лишь один великий князь хранил молчание. <...>

— А что же вы, ваше высочество? — обратился принц де Линь к Павлу. — Или вам нечего рассказать? Разве в России нет чудесного? Или злым духам и колдунам не удалось расставить вам чары?

Великий князь поднял голову.

— Куракин знает, — сказал он, — что и мне было бы кой о чем порассказать, как и другим. Но есть воспоминания, которые я стараюсь удалить из памяти. Я и так уже вынес от них не мало.

В комнате господствовало молчание. Великий князь посмотрел на Куракина, и во взоре его выразилось грустно-тяжелое чувство.

— Неправда ли, Куракин, что со мною приключилось кое-что очень странное? — спросил он.

* Memoirs of the baroness Oberkirch, London, 1852, 3 v.

— Столь странное, ваше высочество, что, при всем доверии моем к вам, я могу лишь приписать оное порыву вашего воображения.

— Нет, это была правда, сущая правда, и если М-те Оберкирх даст слово, что не скажет ничего моей жене, я передам вам, в чем было дело. Но позвольте, господа, и всех вас просить держать мой рассказ в тайне, — прибавил великий князь, смеясь, — потому что очень неприятно было бы, если бы по всей Европе разошлась история о привидении, в которой я играю роль.

<...> Раз вечером, или пожалуй уже ночью, я, в сопровождении Куракина и двух слуг, шел по петербургским улицам. Мы провели вечер вместе* у меня во дворце², за разговорами и табаком, и вздумали для освежения сделать прогулку инкогнито при лунном освещении. Погода была не холодна; это было в лучшую пору нашей весны, конечно, впрочем, весны не южных климатов. Разговор наш шел не о религии и не о чем-либо серьезном, а напротив, был веселого свойства, и Куракин так и сыпал шутками насчет встречных прохожих. Несколько впереди меня шел слуга, другой шел сзади Куракина, а Куракин следовал за мною в нескольких шагах позади. Лунный свет был так ярок, что при нем можно было читать письмо, и, следовательно, тени были очень густы. При повороте в одну из улиц, вдруг вижу я в глубине подъезда высокую худую фигуру, завернутую в плащ вроде испанского, и в военной, надвинутой на глаза, шляпе. Он будто ждал кого-то. Только что я миновал его, он вышел и пошел около меня с левой стороны, не говоря ни слова. Я не мог разглядеть ни одной черты его лица. Мне казалось, что ноги его, ступая на плиты тротуара, производят странный звук — точно как будто камень ударялся о камень. Я был изумлен, и охватившее меня чувство стало еще сильнее, когда я почувствовал ледяной холод в моем левом боку, со стороны незнакомца. Я вздрогнул и, обратясь к Куракину, сказал:

- Судьба нам послала странного сопутника.
- Какого сопутника? — спросил Куракин.
- Господина, идущего у меня слева, которого, кажется, можно заметить уже по шуму, производимому им.

Куракин раскрыл глаза в изумлении и заметил, что никого нет у меня с левой стороны.

— Как? Ты не видишь этого человека между мною и домовою стеной?

* Т. е. с Куракиным.

— Ваше высочество идете возле самой стены, и физически невозможно, чтобы кто-нибудь был между вами и ею.

Я протянул руку и точно ощупал камень. Но все-таки незнакомец был тут, и шел со мною шаг в шаг, и звуки шагов его, как удары молота, раздавались по тротуару. Я посмотрел на него внимательнее прежнего, и под шляпой его блеснули глаза столь блестящие, что таких я не видал никогда, ни прежде, ни после. Они смотрели прямо на меня и производили на меня какое-то околовывающее действие.

— Ax! — сказал я Куракину, — я не могу передать тебе, что я чувствую, но только во мне происходит что-то особенное.

Я дрожал, не от страха, но от холода. Я чувствовал, как что-то особенное проникало во все мои члены, и мне казалось, что кровь замерзает в моих жилах. Вдруг из-под плаща, закрывавшего рот таинственного спутника, раздался глухой и грустный голос:

— Павел!

Я был во власти какой-то неведомой силы и механически отвечал:

— Что вам нужно?

— Павел! — сказал опять голос, на этот раз впрочем как-то сочувственно, но с еще большим оттенком грусти. Я не мог сказать ни слова. Голос снова назвал меня по имени, и незнакомец остановился. Я чувствовал какую-то внутреннюю потребность сделать то же.

— Павел! Бедный Павел! Бедный князь!

Я обратился к Куракину, который также остановился.

— Слышишь? — спросил я его.

— Ничего, — отвечал тот, — решительно ничего.

Что касается до меня, то этот голос и до сих пор еще раздается в моих ушах. Я сделал отчаянное усилие над собою и спросил незнакомца — кто он и что ему нужно?

— Кто я? Бедный Павел! Я тот, кто принимает участие в твоей судьбе и кто хочет, чтобы ты особенно не привязывался к этому миру, потому что ты долго не останешься в нем. Живи по законам справедливости, и конец твой будет спокоен. Бойся укора совести; для благородной души нет более чувствительного наказания.

Он пошел снова, глядя на меня все тем же проницательным взором. И как я остановился, когда остановился он, так и теперь я почувствовал необходимость пойти за ним. Он не говорил, и я не чувствовал особенного желания обратиться к нему с речью. Я шел за ним, потому что он теперь шел впереди. Это продолжа-

лось более часу. Где мы шли, я не знал. Куракин не хочет верить ничему этому. Посмотрите, он смеется. Он думает, что все это было не более как сон.

Наконец пришли мы к большой площади, между мостом через Неву и зданием Сената³. Он прямо пошел к одному как бы заранее отмеченному месту площади; я конечно следовал за ним — и затем остановился.

— Прощай, Павел! — сказал он. — Ты еще увидишь меня опять, здесь и кой-где еще.

При этом шляпа его поднялась как бы сама собою, и глазам моим представился орлиный взор, смуглый лоб и строгая улыбка моего прадеда Петра Великого. Когда я пришел в себя от страха и удивления, его уже не было передо мною.

На этом самом месте императрица возводит монумент, который скоро будет удивлением всей Европы. Это конная статуя из гранита, представляющая царя Петра и помещенная на скале⁴. Не я советовал моей матери избирать это место, выбранное или, скорее, угаданное призраком. И я не знаю, как описать чувство, охватившее меня, когда я впервые увидал эту статую. *Я боюсь мысли, что могу бояться*, что бы ни говорил князь Куракин, уверяющий, что все это было не более как сон, виденный мною во время прогулки по улицам. Малейшая подробность этого видения памятна мне, и я по-прежнему утверждаю, что это было видение и все связанное с ним представляется мне так же ясно, как бы это случилось вчера. Придя домой, я нашел, что мой левый бок положительно окаменел от холода, и я почувствовал некоторую теплоту лишь несколько часов спустя, хотя тотчас же лег в теплую постель и закрылся как можно теплее.

Надеюсь, что вам понравилась моя история и что если я вас заставил подождать, то было из-за чего.

— Знаете, что это значит, ваше высочество? — спросил принц де Линь.

— Это значит, что я умру в молодых летах.

— Извините, если я не сойдусь с вами во мнении. Я полагаю, что это доказывает неоспоримо две вещи. Во-первых, что не надобно выходить ночью, когда клонит ко сну, и, во-вторых, что не следуетходить слишком близко к домовым стенам, промерзшим в таком климате, как у вас. Другого заключения из этого я не могу вывести. Призрак вашего знаменитого прадеда существовал лишь в вашем воображении, и я не сомневаюсь, что на верхней одежде вашей осталась пыль от домовых стен. <...>

28/17 августа того же года Павел Петрович и его супруга были в Монбельяре, у родителей Марии Феодоровны, когда там получено было письмо из Петербурга, извещавшее, что 18 числа того же месяца памятник Петру I был торжественно открыт в присутствии императрицы. Когда читали письмо, Павел приложил палец к губам, делая этим знак баронессе. Баронесса наблюдала внимательно и видела, как великий князь старался улыбаться, хотя мертвенная бледность покрыла лицо его. Это объяснило ей окончательно, шутил или не шутил Павел в памятную ночь в Брюсселе.

